

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/18572685/36/4

СЛАВЯНЕ И ГОТЫ НА ВОЛЫНИ И В ВЕРХНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ. ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ ОIУМ И «ПЛЕМЕНИ» (GENS) SPALI

М.И. Жих

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

e-mail: max-mors@mail.ru

Scopus Author ID: 55358941500

ORCID ID: 0000-0003-2212-6416

ResearcherID: F-3154-2014

SPIN-код автора РИНЦ: 6149-3974

Авторское резюме

Готский историк VI в. Иордан в своём повествовании об истории готов сообщает, что на пути с Балтийских берегов к Чёрному морю они заняли некую землю Oium и победили «племя» (gens) спалов/Spali. Это название логично сопоставлять со славянским «исполин» (праслав. *jъspolĩnь/*spolĩnь). Спалов Иордана можно отождествить с волынскими славянами, которым принадлежали памятники зубрецкой группы пшеворской культуры. Война с ними была осмыслена в готской эпической традиции как борьба с народом древних великанов.

Ключевые слова: Волынь, готы, славяне, Иордан, Ойум.

Slavs and Gotha on Volhyn and in the Top Dniester. Problem of localization of the earth of Oium and «tribe» (gens) of Spali

M.I. Zhikh

St. Petersburg State University.

University Embankment, 7/9 St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: max-mors@mail.ru

Abstract

The gothic historian of the VI century Jordan in the narration about stories is ready

reports that on the way from the Baltic coast to the Black Sea they occupied a certain earth of Oium and won against «tribe» (gens) spalov/Spali. It is logical to compare this name with Slavic «giant» (praslav. *jspolin/*spolin). Spalov of Jordan it is possible to identify with the Volynsk Slavs who possessed monuments of zubretsky group of pshevorsky culture. War with them was comprehended in gothic epic tradition as fight against the people of ancient giants.

Keywords: Volhyn, Goths, Slavs, Jordanes, spali, Oyum.

Одним из ключевых событий в истории ранних славян стала их «встреча» с готами. Есть основания полагать, что столкновение с готами стало важнейшим событием и в ранней истории первых славян Воыни. Детально остановиться на этом событии следует также потому, что в связи с ним воыньские славяне, как я постараюсь показать, впервые упомянуты в письменных источниках, что позволяет уточнить время первого появления славян на Воыни.

Речь идет о рассказе, повествующем о миграции германского «народа» готов от Балтики к Черному морю, который дошел до нас в составе труда готского историка Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (в науке также используется введенное Моммсенем условное сокращенное название «Гетика»), написанном в 550-551 гг., скорее всего, в Равенне¹. Происхождение этого рассказа и время его записи порождает ряд источниковедческих проблем. Во-первых, труд Иордана в значительной мере не имел самостоятельного характера, представляя собой, как сообщает сам автор (Iord., Get. 1), сокращенное переложение не сохранившейся истории готов в двенадцати книгах, написанной на основе разнообразных устных и письменных источников италийским политиком и писателем Кассиодором Сенатором между 526/527-533 гг.

Кассиодор, сподвижник остготского короля Теодориха (470-526), в своей работе проводил идеи о древности и величии готской истории, не уступавшей античной и бывшей ее составной частью (в рамках этой концепции он отождествляет германцев-готов и фракийцев-гетов, хорошо известных античным авторам, чтобы таким образом вписать историю готов в историю античного мира), дабы таким образом римляне примирились с правлением готов в Италии. Иордан писал на 20 лет позже, и его труд имел цель как бы подменить собой сочинение Кассиодора, из которого была взята фактура, но подана в соответствии с иной концепцией: готы как часть античного мира должны подчиниться Ромейской империи, слава и мощь которой превосходят их славу и мощь².

При этом остается открытым вопрос, является ли работа Иордана механическим сокращением труда Кассиодора с простой подменой

его идеологического заряда или же Иордан дополнял Кассиодора какими-то собственными данными, почерпнутыми как у других авторов, так и в готских сказаниях, которые вполне могли быть ему известны. Он и сам, по его же признанию, был готом (lord., Get. 316) и служил нотарием у византийского полководца Гунтигиса Базы (lord., Get. 266), принадлежавшего к правящему вестготскому роду Амалов, и, соответственно, должен был знать родовые предания Амалов.

К примеру, в «Гетике» Иордана есть ссылки на труд некоего историка Аблабия (о котором нам ничего неизвестно), написавшего историю готов, видимо, ранее Кассиодора. Встает вопрос: ссылки на Аблабия Иордан просто выписал вместе со всем остальным из труда Кассиодора (который, кстати, в одном из своих сохранившихся текстов упоминает Аблабия³, как полагает, например, А.Н. Анфертьев⁴) или же он мог пользоваться работой Аблабия самостоятельно, используя ее для дополнения данных Кассиодора (как предполагала Е.Ч. Скржинская⁵)? Окончательного ответа на этот вопрос, видимо, дать при нашем состоянии источниковой базы невозможно. А между тем для нашей темы он имеет важное значение, ведь в конце рассказа о миграции готов в Причерноморье Иордан дает прямую отсылку к Аблабию, труд которого характеризуется как «достовернейший» (lord., Get. 28-29) и соответствующий готской эпической традиции. Последняя, впрочем, в любом случае была исходным источником «Повести о переселении готов» (так я условно именуую рассказ о миграции готов с Балтики в Причерноморье, входящий в состав «Гетики», далее – «Повесть»). И Кассиодор, близкий ко двору короля Теодориха, и Иордан, служивший у одного из Амалов, могли быть знакомы с ней независимо от труда Аблабия.

Можно полагать, что оба историка, ознакомившись с трудом Аблабия (независимо от того, ознакомился ли с ним Иордан лично или только через Кассиодора), нашли подтверждение сообщаемым им данным в знакомой им живой готской эпической традиции. Это говорит о ее распространенности и устойчивости, но не решает вопроса о достоверности.

Применительно к последнему вопросу в историографии намечилось два направления. Одни ученые рассматривают «Повесть», в особенности сюжет о стране Ойум (Oium, готское Aujom – «страна, изобилующая водой»), как чисто фольклорно-эпическое произведение. В качестве примера приведем суждения А.Н. Анфертьева, который фактически отвергал все сообщаемые «Повестью» фактические данные: «считать готов выходцами со Скандинавского полуострова, по всей видимости, нельзя»⁶, «вставка фольклорного сюжета, сопоставимого с рассказом о происхождении гуннов, а может

быть, с представлениями о Меотийском болоте вообще. Дальнейший анализ этого сюжета (о приходе готов в землю Ойум. – М.Ж.) требует собирания фольклорных мотивов о труднодоступных местностях и обрушивающихся мостах, а не попыток географической локализации рассказанного⁷ и т. д. Проблема, однако, в том, что **принципиально** данные «Повести» о готской миграции с севера на юг, от Балтики к Черноморью, подтверждаются всей совокупностью данных (письменных, археологических и др.), которыми располагает наука, и никак не могут быть отвергнуты, что, конечно, не исключает наслоения на достоверную фактическую основу тех или иных легендарных фольклорных мотивов.

Противоположная оценка данных «Повести» ярко выражена С.В. Воронятовым и Д.А. Мачинским, которые настаивают на ее высокой достоверности: «Несомненно, мы имеем дело с первоклассным и недооцененным в отечественной и зарубежной науке историческим источником»⁸; «Несомненно, в готском предании есть некоторые образы и сюжеты, которые напоминают «общие места» в сказаниях разных народов о переселении. Но эти сюжеты в нашем случае столь конкретны и столь хорошо подтверждены археологией, что и к ним следует отнестись с достаточным доверием»⁹.

Думается, вопрос о соотношении между теми элементами «Повести», которые сохранили для нас память о реально происходивших событиях, и фольклорно-легендарными мотивами может быть решен только одним путем: тщательным и кропотливым рассмотрением каждого звена «Повести» и его сопоставлением со всеми остальными видами доступных нам источников. При этом сразу надо отметить следующее: в устной памяти реальное событие легко могло обрасти шаблонными фольклорными мотивами, что само по себе не свидетельствует о недостоверности самого события. «В легендах могут быть зерна истинной правды, – писал Б.Д. Греков, – и вычленение этих зерен и должно составлять основу любого исследования, посвященного теме «эпос и историческая действительность».

Что касается тех ученых, которые, не отрицая наличия в «Повести» фольклорных мотивов, тем не менее пытались найти в ней историческое зерно, то их О.В. Шаров разделил условно на две большие группы: сторонников «западной» концепции (страна Ойум, куда стремились готы, находилась к западу от Днепра) и сторонников концепции «восточной» (Ойум к востоку от Днепра)¹⁰.

В свою очередь, в рамках каждого из двух означенных «генеральных» подходов также возможна значительная вариация. Рассмотрим кратко основные оригинальные гипотезы относительно локализации «желанной земли» готов – Ойума.

1. «Западная» концепция. В.В. Седов локализовал Ойум в окруженном болотами регионе Мазовии, Подлясья и Волини, куда «вельбарцы»-готы продвинулись в конце II в. и где вельбарская культура функционировала на протяжении двух столетий - до последних десятилетий IV в. Река, которую пересекли готы на пути в Скифию, – это, согласно ученому, Висла, которая и отделяла, по мнению греческих и римских историков, в т.ч. и самого Иордана (Iord., Get. 31), Скифию/Сарматию от Германии. Готы продвигались на юго-запад из левобережных районов Нижнего Повисленья¹¹.

Ф. Бирбрауэр предположил на основе археологических данных, что страна Ойум – это Волянь, а река, через которую переправлялись готы и на которой во время переправы обрушился мост – это Припять. Болотистая местность же, в которой остались не сумевшие переправиться готы, – Пинские болота. При этом речь идет об относительно небольшой группе разведчиков-первопроходцев. Основной же массив готов проследовал на Волянь позже¹². Здесь, впрочем, сразу возникает вопрос: как рассказ о небольшой группе первопроходцев мог стать рассказом о миграции всего народа?

М.Б. Щукин в одном месте своей книги «Готский путь» по поводу рассказа Иордана о приходе готов страну Ойум писал, что «этот сюжет, безусловно, сказочный, хотя, быть может, и не лишенный зерна исторической истины»¹³. В другом же месте указанной книги ученый осторожно попытался выделить это «зерно», обратив внимание на то, что в ходе второй, дытыничской, волны продвижения на юг готов - носителей вельбарской культуры возобновляются захоронения на заброшенных зарубинецких могильниках в Велемичах и Отвержичах в болотистой местности Полесья к югу от Припяти, что «очень напоминает описанную Иорданом местность на пути движения готов Филимера (Iord., Get. 26)»¹⁴. Таким образом, рекой, через которую согласно «Повести» переправились готы в построениях историка, оказывается Припять, и в целом позиция М.Б. Щукина напоминает взгляды Ф. Бирбрауэра, хотя он и не ссылает на последнего.

В этой связи категоричное утверждение О.В. Шарова, согласно которому «М.Б. Щукин во всех своих прижизненных работах предлагал совсем другой вариант локализации страны «Ойум», значительно восточнее»¹⁵, кажется странным. Шаров ссылается на карту в рассматриваемой книге (с. 149, рис. 52), где Ойум просто отождествлен со Скифией. Но в тексте книги это тождество нигде никак не поясняется, а говорится то, что процитировано выше. В своих более ранних работах М. Б. Щукин еще более четко связывал Ойум с Волянью. В статье 1986 г. ученый писал, что «вельбаркцы двумя волнами проникают на Волянь («стреха Е»), достигают на востоке Посеймья

(Пересыпки), а на юге – Молдовы (Козья – Яссы). Это совпадает со свидетельствами о переселении готов и гепидов в страну Oium»¹⁶. В вышедшей в 1994 г. книге М.Б. Щукина читаем: «Через 5 поколений готы Филимера двинулись в страну Ойум, чему соответствует движение носителей вельбаркской культуры в Мазовию и на Волынь»¹⁷.

Особняком в рамках «западной» концепции локализации Ойума стоит гипотеза В.Н. Топорова, согласно которой «желанная земля» находилась в устье Дуная¹⁸.

2. «Восточная» концепция. Ряд ученых, от Л. Шмидта до Г.В. Вернадского помещали Ойум в южнорусских степях, на берегах Днепра, сдвигая его то на юг, к Причерноморью, то на север, к региону будущего Киева¹⁹. Не называя Ойума, фактически то же самое пишет Х. Вольфрам: «Рекой, которая разделила готов, был, вероятно, Днепр»²⁰.

Е.Ч. Скржинская выдвинула гипотезу о тождественности готского Ойума древнегреческой Гилее, упоминаемой еще Геродотом, на левом берегу Нижнего Днепра и его лимана²¹. Рекой, которую готы пересекли на своем пути, в таком случае оказывается Днепр, который и разделил их на две части: остроготов, занявших левобережье Днепра и везеготов, оставшихся на его правобережье²².

Т. Левицкий, опираясь на некоторые известия Плиния и Менандра Протектора, помещал Ойум на Керченском полуострове²³. Близкую идею высказал О.Н. Трубочев, согласно которому готский Ойум тождественен синдскому острову Eon, упоминаемому Плинием²⁴.

В.П. Буданова, обстоятельно изложив историографию Ойума²⁵, не сформулировала четко своей позиции относительно его локализации, но сделала следующее небезынтересное замечание: «...вне внимания исследователей осталась противоречивость сообщений Иордана об "Ойум". Она упоминается дважды... Сопоставление этих двух фрагментов (в одном Ойумом называются просто "земли Скифии", в другом говорится о местности за рекой. – М.Ж.) показывает, что в первом случае "Ойум", у Иордана, довольно широкое понятие, близкое по смыслу к "земле Скифии". Во втором фрагменте топоним "Ойум" – это более конкретное географическое определение тех областей в Скифии, куда двигались готы, так как в этой "Ойум" готы перешли какую-то, вероятно, большую, реку»²⁶. Обращает внимание исследовательница и на то, что «тот конкретный географический регион в Скифии, который обозначен историком (Иорданом. – М.Ж.) как "Ойум", не стал для готов *конечным пунктом* их передвижения в Скифию, но лишь *промежуточным звеном* в переходе с севера на юг (курсив В.П. Будановой. – М.Ж.)»²⁷.

Недавно вышли две обстоятельные статьи, посвященные проблеме локализации Ойума, авторы которых подходят к ней как раз с

обозначенных противоположных сторон: статья, написанная в соавторстве С.В. Воронятовым и Д.А. Мачинским²⁸ и статья О.В. Шарова²⁹.

Обе статьи весьма интересны, но, к сожалению, впечатление от первой из них сразу портится двумя вещами. Во-первых, Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов в качестве третьего автора статьи указали М. Б. Щукина, с которым ее замысел Д.А. Мачинский обсуждал незадолго до его смерти³⁰, но в написании которой он прямого участия уже не принимал. Этот не совсем этичный факт «посмертного соавторства» уже вызвал обоснованное возмущение ряда учеников М.Б. Щукина, которые, однако, перегнули при этом палку, утверждая, что Мачинский и Воронятов исказили идеи ученого и напрасно приписали ему тезис о волынской локализации Ойума, который он будто бы никогда не озвучивал³¹. Выше уже было показано, что это не так: в ряде работ Щукин действительно локализовал страну Ойум на Волыни, хотя детально на этом и не останавливался, что не отменяет неэтичности факта «посмертного соавторства», так как неизвестно, согласился ли бы М.Б. Щукин со всеми положениями рассматриваемых авторов. К сожалению, разные группы коллег и учеников Щукина после его смерти пытаются, так сказать, «приватизировать» его имя и наследие.

Во-вторых, Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов, основной пафос статьи которых состоит в отождествлении Ойума с Волынью, проигнорировали работы своих предшественников В.В. Седова и Ф. Бирбрауэра, словно их и нет, и представили дело таким образом, что они первыми выдвигают означенную идею (ну разве что ранее ее мельком высказывал Щукин, хотя и Седов, и Бирбрауэр говорили об этом более развернуто и четко). Такое самолюбование авторов выглядит откровенно некрасиво, о чем я уже писал в работе, посвященной Седову (представить, что его работы, равно как и работы Бирбрауэра, им неизвестны, совершенно нереально)³².

Остроумной гипотезой, высказанной Воронятовым и Мачинским, является предположенная ими связь между наконечником копья, найденным в 1858 г. близ деревни Сушично к югу от Припяти (поскольку неподалеку находится г. Ковель, его называют также Ковельским копьем), с рунической надписью, интерпретируемой как «к цели ездок»/«к цели скачущий»/«стремящийся к цели»/«преследующий цель»³³, и переправой готов через реку, о которой идет речь в «Повести», коей, по мнению этих авторов, и была Припять. По мысли ученых, копьё было при переправе воткнуто в землю в магических ритуальных целях, а надпись на нем надо интерпретировать таким образом, что оно как бы достигло цели готов – земли Ойум, в которую они переправились³⁴. Разумеется, это красивое построение сугубо гипотетично.

В содержательной статье О.В. Шарова большой интерес представляет источниковедческий блок. Автор сопоставляет рассказ Иордана о миграции готов от Балтики к Черному морю с другим рассказом древнего автора – о происхождении гуннов и их приходе в Европу, находит в них сходные черты и различия и выделяет некий канон, по которому они оба так или иначе построены³⁵. Тем не менее, по мнению ученого, за фольклорными наслоениями вычленяется реальное историческое ядро, поскольку многие моменты в рассказе о готской миграции находят подтверждение в других источниках³⁶. О.В. Шаров приходит к выводу, согласно которому земля Ойум находилась близ Меотиды, вероятнее всего, в степном Крыму. После покорения Ойума готы, согласно О.В. Шарову, продвинулись дальше – на территорию южного берега Крыма или же в район Приазовья, вплоть до Танаиса и Таманского полуострова, что соответствует движению готов в крайнюю часть Скифии, о котором говорит Иордан³⁷.

Таким образом, мы видим, что позиция О.В. Шарова более всего соответствует взглядам Т. Левицкого и О.Н. Трубачева. К сожалению, работа последнего Шаровым вообще не упоминается, хотя там можно найти интересные лингвистические соображения в пользу приазовской локализации Ойума.

Очевидной слабостью такой локализации «желанной земли» является следующий факт: согласно повествованию Иордана, готы вступили в Ойум сразу по приходе в Скифию, т. е. искать его логично где-то в северо-западной ее части, но никак не на юго-востоке. Фактически основой для локализации Ойума, предложенной О.В. Шаровым, является только тезис о приазовско-крымском расположении «племени» *спалов (Spali)*, с которым столкнулись готы, заняв Ойум. Этот момент мы разберем ниже.

Кроме того, сам О.В. Шаров констатирует, что «на сегодняшний день, мы не знаем ни одного памятника вельбарской культуры в данном обширном регионе (Крым и Приазовье. – М.Ж.), которые можно было бы как-то соотнести с миграцией готов Филимера³⁸. Ученый пытается решить эту проблему так: напомнив о том, что по пути готы подчинили ряд других германских племен, он приводит данные о находках в Крымско-Приазовском регионе германских артефактов интересующего нас времени (вторая половина II – начало III в.) *en masse*³⁹. Однако едва ли такой подход следует считать решением проблемы, скорее это можно было бы назвать стремлением обойти ее, причем едва ли удачным: археологическим эквивалентом миграциям готов является распространение вельбарской культуры, что общепризнано со времен работ Р. Волонгевича⁴⁰.

Поэтому находки просто германских артефактов никак не могут служить доказательством присутствия где-либо готов, ибо так

можно «доказать» их присутствие везде, где найдется что-либо германское. Если уж предполагается, что даже младшие союзники готов оставили где-то свой археологический след, то археологический след готов там тем более должен обнаруживаться. Да и число германских артефактов, указанных О.В. Шаровым, весьма скромно. Что же касается ранних комплексов могильников типа Ай-Тодор⁴¹, то едва ли они могут маркировать масштабную готскую миграцию, о которой повествует Иордан, и доказывать присутствие в регионе значительных масс готского или вообще германского населения, скорее только небольших готских дружин.

Как видим, разброс мнений относительно достоверности и географической локализации данных сохраненной Иорданом «Повести о переселении готов» значителен. Попробуем заново детально проанализировать ее, разбив на два условных смысловых блока, сопоставив сообщаемые «Повестью» факты со всеми иными доступными данными источников.

I. Скандинавская прародина готов, их переселение на юг Балтики

(25) С этого самого острова Скандзы (Скандинавии, которая в античной и раннесредневековой традиции считалась островом. – М.Ж.), как бы из мастерской, [изготавливающей] племена, или, вернее, как бы из утробы, [порождающей] племена, по преданию вышли некогда готы с королем своим по (26) имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза (Gutisk-andja, «готский берег». – М.Ж.). Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов («островных ругов». – М.Ж.), которые сидели тогда по берегам океана; там они расположились лагерем и, сразившись [с ульмеругами], вытеснили их с их собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседей вандалов, присоединив и их к своим победам⁴².

(94) Если же ты спросишь, каким образом геты и гепиды являются родичами, я разрешу [недоумение] в коротких словах. Ты должен помнить, что вначале я рассказал, как готы вышли из недр Скандзы (95) со своим королем Берихом, вытащив всего только три корабля на берег по эту сторону океана, т. е. в Готискандзу. Из всех этих трех кораблей один, как бывает, пристал позднее других и, говорят, дал имя всему племени, потому что на их [готов] языке «ленивый» говорится «geranta». Отсюда и получилось, понемногу и [постепенно] искажаясь, родилось из хулы имя гепидов... (96) Эти самые гепиды прониклись завистью, пока жили в области Спезис, на острове, окруженном отмелями реки Висклы, который они на родном языке называли Гепедойос⁴³.

Итак, готы и гепиды, согласно «Повести», – выходцы из Скандинавии, мигрировавшие некогда оттуда на юг Балтики, причем легенда сохранила указание на то, что миграция была не совсем одновременной и осуществлялась, видимо, волнами.

Древнейшие аутентичные сведения о готах сохранились в трудах римского политического деятеля и историка Публия Корнелия Тацита (середина I в. – ок. 120 г.). В своем труде «О происхождении германцев и местоположении Германии» (конец I в.) он говорит: «(44) За лугиями живут готоны (Gotones), которыми правят цари, и уже несколько жестче, чем у других народов Германии, однако еще не вполне самовластно. Далее, у самого Океана, – ругии и лемовии; отличительная особенность всех этих племен – круглые щиты, короткие мечи и покорность царям. За ними, среди самого Океана, обитают общины свионов»⁴⁴.

Эти данные позволяют довольно точно локализовать готов конца I в. на юге Балтики, что, с одной стороны, совпадает с соответствующим известием Иордана, а с другой – дает ему хронологическую привязку. Лугии – объединение германских «племен», проживавшее, очевидно, в пределах западной, германской части пшеворской культуры⁴⁵. Между ними и ругами (а также лемовиями), жившими «у самого океана», и размещены согласно источнику готы. Обратим внимание, что Тацит называет ругов соседями готов в полном соответствии с Иорданом. Что же касается вандалов, то они жили по соседству с лугиями, также в пределах пшеворской культуры⁴⁶. Как видим, совпадение между данными Тацита и сохраненной для нас Иорданом эпической «Повестью о переселении готов» полное.

Обратим внимание на еще один интересный момент: Иордан говорит не просто о ругах, с которыми столкнулись готы, а об ульмеругах, т. е. «островных ругах» (от holmr/holm – остров), что наводит на мысль, что жили они на каком-то острове или островах. Вероятнее всего, таким островом мог быть Рюген, получивший свое имя от живших на нем в дославянский период ругов. В этой связи нельзя не вспомнить один пассаж Иордана, весьма загадочный и не находящий в тексте «Гетики» никакого объяснения: «(38) Однако мы нигде не обнаружили записей тех их басен, в которых говорится, что они [готы] были обращены в рабство в Британии или на каком-то из островов, а затем освобождены кем-то ценою одного коня»⁴⁷. Из этих слов следует, что тот, кто их написал (Аблабий? Кассиодор? Иордан?) знал некие готские «басни» о том, что готы на некоем острове «были обращены в рабство, а затем освобождены кем-то ценою одного коня», но не находил им подтверждения в письменных источниках, да и не слишком-то эти «басни» стыковались с задачей прославления готов и рода их правителей Амалов.

Между тем имеются данные, позволяющие понять смысл этих готских «басен». В.И. Меркулов обратил внимание на то обстоятельство, что на острове Рюген Саксоном Грамматиком и Титмаром Мерзебургским зафиксирован обычай, в соответствии с которым важные решения принимались в зависимости от поведения священного коня. Приведя соответствующие показания источников, ученый констатирует: «Таким образом, важные решения у ругов принимались по поведению священного коня. Скорее всего, это гадание использовалось во всех принципиальных ситуациях. Поэтому можно предположить, что если однажды готы потерпели поражение и были обращены в рабство, то могли быть помилованы "ценою коня", то есть вследствие состоявшегося ритуала, о котором сообщают исторические источники»⁴⁸.

Вопреки победной реляции Иордана, «примерная реконструкция событий показывает, что "басни" Иордана вполне могли иметь под собой историческое основание. Готы вступили в войну с "островными ругами" и, конечно, могли потерпеть поражение, в особенности, на чужой территории»⁴⁹. Эта унижительная для готов ситуация, воспринимавшаяся ими как оскорбление, которое они пытались, с одной стороны, забыть (у Иордана - лишь глухой отзвук этих событий), а с другой - отомстить, предопределила драматические отношения готов и ругов на весь последующий период, которые могут быть охарактеризованы практически как «кровная месть»⁵⁰. Иордан, видимо, ничего не знал об острове Рюген и сопоставил несчастливый для готов остров из их легенд, связанных с Британией.

Для нас изящная гипотеза В.И. Меркулова интересна тем, что готы на своем пути, видимо, проследовали через Рюген или прилегающие к нему земли. Обратим внимание на карту готской миграции, составленную М.Б. Щукиным на основе археологических данных⁵¹: на ней путь готов также пролегает мимо Рюгена, и именно близ него, согласно ученому, и высадились на побережье первые мигранты из Скандинавии, представленные так называемой густовской группой памятников, появившейся на рубеже эр⁵², более ранней, чем памятники типа Одры-Венсеры, давшие начало «классической» вельбарской культуре⁵³. Именно с появлением памятников типа Одры-Венсеры М.Б. Щукин сопоставляет переселение Берига и его людей⁵⁴, которому, таким образом, могли предшествовать и более ранние готские миграции.

В другом труде Тацита, «Анналах» (после 110 или 113 г.), под 19 г. упоминается некий гот Катуальда: «(62) Друз (сын императора Тиберия. - М.Ж.), подстрекая германцев к раздорам, чтобы довести уже разбитого Маробода (лидер германского «племени» марко-

маннов, не раз воевавший с Римом. – М.Ж.) до полного поражения, добился немалой для себя славы. Был между готонами знатный молодой человек по имени Катувальда, в свое время бежавший от чинимых Марободом насилий и, когда тот оказался в бедственных обстоятельствах, решившийся ему отомстить. С сильным отрядом он вторгается в пределы маркоманов и, соблазнив подкупом их вождей, вступает с ними в союз, после чего врывается в столицу царя и расположенное близ нее укрепление... (63) Для Маробода, всеми покинутого, не было другого прибежища, кроме милосердия Цезаря. Переправившись через Дунай там, где он протекает вдоль провинции Норик, он написал Тиберию... И Маробода поселили в Равенне... Сходной оказалась и судьба Катувальды, и убежище он искал там же, где Маробод. Изгнанный несколько позже силами гермундуфов, во главе которых стоял Вибиллий, и принятый римлянами, он был отправлен в Форум Юлия, город в Нарбоннской Галлии...»⁵⁵.

Из этого рассказа Тацита нельзя внести никаких уточнений в географическое расположение готов, но можно заключить, что уже в самом начале I в. они присутствовали на континенте и были там деятельной политической силой. Соответственно, первая волна скандинавских мигрантов должна была появиться на юге Балтики не позднее рубежа эр.

Но есть ли в письменных источниках подтверждения в пользу выхода готов из Скандинавии? Этот вопрос тем более важен, что очень непросто – многие ученые сомневались в возможности скандинавской прародины готов или даже категорически отрицали вероятность таковой (ср. приведенное выше мнение А.Н. Анфертьева)⁵⁶. Сам Иордан, перечисляя народы Скандинавии (а основой его перечня скандинавских народов, многие названия в котором с трудом поддаются интерпретации⁵⁷, по всей видимости, служил некий итенирарий), упоминает остроготов (Iord., Get. 26)⁵⁸.

С одной стороны, это название могло быть вставлено в исходный текст, на что указывает сама его форма, ведь разделение на остроготов и везеготов произошло уже на континенте в ходе миграции к Черному морю (Iord., Get. 42, 82)⁵⁹. С другой стороны, исходные «готы» итенирария могли быть просто превращены Кассиодором/Иорданом в «остроготов». Небезынтересен и тот факт, что в Средней Швеции имеются две исторические области: Остергеталанд и Вестергеталанд, в которых в начале н.э. еще могли жить оставшиеся на территории прародины родичи континентальных готов, сохраняющие соответствующее самосознание, также подразделявшиеся по географическому принципу на «западных» и «восточных». Название последних Кассиодор/Иордан и могли передать как «остроготы».

При описании Скандинавии в «Гетике» упоминаются и некие гаутиготы/Gauthigoth (Iord., Get. 22)⁶⁰, вероятно, тождественные гаутам (Γαυτοί) Птолемея (Ptolem. II. 11, 16) и Прокопия Кесарийского (Procop. BG. II. 12, 26), которые также, очевидно, являются «родственниками» континентальных готов⁶¹.

Следующий по времени после Тацита автор, упоминающий готов, – знаменитый географ Клавдий Птолемей (ок. 100-170 гг.). Данные его «Географии» (между 150 и 170 гг.) интересны в двух отношениях. Во-первых, он, как уже сказано, упоминает в числе скандинавских народов гаутов (Γαυτοί), надежно подтверждая этим скандинавское происхождение континентальных готов. Во-вторых, Птолемей размещает континентальных готов/гутонов на правом берегу Вислы, в пределах Европейской Сарматии, что отражает, по всей видимости, начавшийся процесс их продвижения на юго-восток.

Следующее аутентичное свидетельство о готах относится только к 262 г. и фиксирует их уже вблизи римских рубежей: в том году иранский правитель Шапур I Великий (240/243 – 272/273) повелел высечь надпись, где в числе прочих разбитых римских отрядов были указаны и готы⁶². Таким образом, в промежутке между известием Птолемея и надписью Шапура I и произошла миграция готов с балтийских берегов на черноморские.

Но прежде чем обратиться к следующей теме, рассмотрим археологические данные о скандинавском происхождении готов. Как уже было сказано выше, со времен работ Р. Волонгевича общепризнано, что археологически готы представлены вельбарской культурой, которая складывается в I в. н.э. в польском Поморье. В это время в ареале местной оксывской культуры (существовала со II в. до н.э.) появляются островками курганы типа Одры-Венсеры, не имеющие местных корней и аналогов погребальные сооружения в виде каменных курганов, каменных кругов со стелами и т. д., у которых есть прямые многочисленные аналогии в Скандинавии⁶³. Пришельцы из Скандинавии принесли и ряд других новаций: обряд ингумации, отсутствие оружия в погребениях, новые формы керамики, новые типы металлических изделий и т. д. В тех местах, где не было оксывского населения, как, например, в Кашубско-Крайенском поозерье, переселенцы основывали собственные поселения и могильники, в районах, заселенных аборигенами, подселялись к ним, стимулируя трансформацию оксывской культуры⁶⁴.

Так постепенно при смешении культуры скандинавских мигрантов и местных «оксывцев» при ведущей роли первых формируется новая археологическая культура – вельбарская (любовидзская стадия, середина I – конец II в., Среднее и Восточное Поморье с приле-

гающими районами)⁶⁵. Не вдаваясь детально в споры о механизме ее формирования (а он, очевидно, был сложным и неоднозначным), решающую роль в этом процессе импульса из Скандинавии ныне можно признать очевидной⁶⁶.

Немало в Скандинавии и «готской» топонимики. Выше уже упоминались исторические области Остергеталанд и Вестергеталанд. К ним следует добавить остров Готланд, реку Гота-Альв, город Гетеборг в ее устье и т. д. Вероятно, некогда готы составляли значительный этнополитический союз на юге Скандинавии.

В последних десятилетиях II в. в ряде районов Поморья происходит значительное сокращение вельбарского населения: существенно уменьшается число поселений, перестают функционировать многие могильники, зато вельбарские памятники появляются в Мазовии, Подлясье, на Волини (цецельская стадия, конец II – IV в.). Происходит перемещение культуры на юго-восток, что отражало, очевидно, процесс готской миграции⁶⁷. Шла она двумя волнами: ранней брест-тришинской (вторая половина II – начало III в.) и более поздней и массовой дытыничской (30-60-е гг. III в.)⁶⁸. Обе эти волны миграции шли через Волинь. В эпической памяти готов они, вероятно, контаминировались.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что первая часть «Повести о переселении готов», рассказывающая об их миграции из Скандинавии, о проживании на юге Балтийского моря, о войне с ругами и т. д., в основе своей полностью подтверждается свидетельствами других источников.

Напоследок отмечу вот какой момент: название висленского острова, где проживали гепиды, - Гепедойос (Gepedoiös) содержит в себе интересующее нас слово Ойум (Oium) и означат «Ойум гепидов»⁶⁹, т. е. соответствующий топоним отнюдь не был уникален для готов.

II. Миграция готов к Черному морю. Овладение землей Ойум (Oium) и война со спалами (Spali)

«(26) Когда там (в Готискандзе на южном берегу Балтики. – М.Ж.) выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер (если Берига связывать с появлением в Поморье памятников типа Одры-Венсеры в середине I в. н.э., то пятое поколение после него придется где-то на 150-170 гг. н.э. – М.Ж.), сын Гадарига, то он постановил, (27) чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест [для поселения] он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум. Филимер, восхитившись великим обилием тех краев, перекинул туда половину войска, после чего, как

рассказывают, мост, переброшенный через реку, непоправимо сломался, так что никому больше не осталось возможности ни прийти, ни вернуться. Говорят, что та местность замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами; таким образом, сама природа сделала ее недосягаемой, соединив вместе и то и другое. Можно поверить свидетельству путников, что до сего дня там раздаются голоса скота и уловимы признаки человеческого [пребывания], (28) хотя слышно это издали. Та же часть готов, которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы. Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий, выдающийся описатель (29) готского народа, в своей достовернейшей истории»⁷⁰.

Этот рассказ имеет выраженные черты фольклорного повествования: поломка моста при переправе через реку, из-за которой половина народа осталась в недосягаемой местности, где издали можно увидеть следы ее жизнедеятельности, – это набор распространенных фольклорных сюжетов (ср. выше мнение А.Н. Анфертьева). Так, например, в качестве параллели можно привести известную средневековую легенду о поломке моста при форсировании монголами реки в Венгрии, из-за чего будто бы погиб Батый. Хотя сквозь флер фольклорных наслоений и можно предположить здесь некую память о разделении готов в процессе миграции: какая-то часть народа не пошла дальше определенного места. Археологические данные говорят о том, что именно так оно и было: часть готов на протяжении их «балтийско-черноморского пути» оседала и не продолжала движения.

Поиск географического прототипа реки, через которую переправлялись готы в «Повести», является делом в высшей степени непростым уже в силу того, что на своем пути от Балтики к Черному морю они перешли в разное время через несколько крупных рек (Вислу, Западный Буг, Припять, Днепр), память о которых могла контаминироваться в их сказаниях. Собственно, каждую из них разные ученые и предлагали на роль «реки со сломанным мостом» из готского сказания.

Так, например, В.В. Седов видел в этой реке Вислу⁷¹, но проблема в том, что уже исходный регион вельбарской культуры охватывал оба берега этой реки, что наглядно демонстрирует карта, составленная самим ученым⁷².

Распространенная трактовка «реки со сломанным мостом» как Днепра, которую отстаивала, например, переводчик и комментатор Иордана Е.Ч. Скржинская⁷³, по справедливым словам Седова, «невероятна»⁷⁴: у Иордана речь идет о реке где-то на северо-западной границе Скифии, в то время как «Днепр находился в глубине Скифии, за ним начиналась не Скифия, а Меотида»⁷⁵.

В этом смысле атрибуция «реки со сломанным мостом» как Припяти, предложенная Ф. Бирбрауэром, выглядит более логичной (вспомним и копье из Сушично). Думается, что если не рассматривать «реку со сломанным мостом» как исключительно фольклорный мотив, то Припять является на данный момент наиболее обоснованным претендентом на роль ее реального гидрографического прототипа.

Следующим ориентиром для нас является «народ» (gens) спалов (Spali), с которым сразились готы по приходе в Ойум. В историографии наметились две, так сказать, «генеральные линии» атрибуции спалов. Одна из них связывает его со славянским «исполин» и, соответственно, трактует спалов как славянский народ, другая - с упоминаемыми Плинием Старшим (между 22 и 24 гг. – 79 г.) спалеями (Spalaei): «Другие [сообщают], что сюда вторглись скифы: авхеты, атернеи, асампаты; они поголовно уничтожили танаитов и напеев. Некоторые пишут, что река Охарий течет через земли кантиков и сапеев и что Танаис перешли сатархеи, гертихеи, спондолики, синхиеты, анасы, иссы, катееты, тагоры, кароны, нерипы, агандеи, меандареи, сатархеи-спалеи»⁷⁶ (Plin. VI. 22-23).

Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов, равно как и О.В. Шаров, безоговорочно принимают вторую интерпретацию, в то время как первую даже не рассматривают. Объясняется это, к сожалению, внеисточниковыми причинами. Указанные исследователи принадлежат к петербургской археологической школе, которая разрабатывает так называемую «лесную» концепцию славянского этногенеза⁷⁷, согласно которой а priori никаких славян на «готском пути» от Балтики к Черному морю быть не могло, так как их предки тогда проживали в ареале «лесных» культур: штрихованной керамики, днепро-двинской, юхновской и т. д.⁷⁸

Не вдаваясь сейчас в дискуссию о происхождении славян, отмечу, что здесь существует ряд концепций, среди которых «лесная» – лишь одна из них. Она отнюдь не является общепринятой⁷⁹. Любой объективный исследователь не должен игнорировать этот факт и ставить телегу впереди лошади: не общие концепции должны направлять чтение источников, а верное объективное прочтение источников должно показать правоту той или иной концепции.

В данном случае хорошо видно, как авторы обеих статей, приняв лишь одну возможную атрибуцию спалов Иордана, попали в своеобразную логическую ловушку, так что им пришлось домысливать за источники. Поскольку Плиний Старший знает сатархеев-спалеев где-то в Подонье, Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов в соответствии со своими взглядами на локализацию Ойума, вполне соответствующими, надо сказать, тексту Иордана, вынуждены были постулировать не имеющее никакой опоры в источниках допущение, согласно которому они переселились далеко на северо-запад, а заодно и из небольшого «племени», фигурирующего в конце длинного перечня, стали «настолько сильными, что победа над ними отпечаталась в эпической памяти готов»⁸⁰.

В свою очередь, О.В. Шаров, понимая, что никаких оснований «переносить» сатархеев-спалеев из Придонья и Приазовья источники не дают, локализовал Ойум, вопреки тексту Иордана, не на северо-западном пограничье Скифии, куда ранее всего продвинулись готы, а на ее далекой юго-восточной окраине.

Таким образом, мы видим, что удовлетворительно согласовать повествование Иордана об Ойуме с отождествлением его спалов с сатархеями-спалеями Плиния нельзя. Видимо, правы те, кто, как, например, А.Н. Анфертьев, утверждает, что перед нами лишь случайная омонимия⁸¹.

Более того, есть серьезные основания полагать, что спалеи/*Spalaei* Плиния – это не этноним вообще. По словам О. Н. Трубачева, «Плиниевская форма *Spalaei* уводит в индо-арийский Крым и относится к сатархам – *Satarcheos Spalaeos*, букв. "сатархи – жители пещер" от греч. апеллатива *Σπηλιοι* – "пещерники"⁸², т. е. перед нами всего лишь определение, данное в источнике сатархам, и ничего больше. То, что это именно так, удостоверяет следующий пассаж из «Хорографии» Помпония Мелы (I в. н.э.), объясняющий плиниевое прозвище сатархов: «*Сатархи... из-за суровой и к тому же постоянной зимы живут в выкопанных в земле жилищах, в пещерах и подземельях, при этом они закутывают все тело и даже лицо прикрывают так, чтобы только видеть (курсив мой. – М.Ж.)*»⁸³ (II. 10).

Учитывая вышесказанное, логично обратиться к давней и прочной лингвистической и исторической традиции, связывающей спалов Иордана со славянским «исполин» (праслав. **ъjspolĩnъ*/**spolĩnъ*)⁸⁴. Где готы могли столкнуться со славянами на своем пути от берегов Балтики к Черному морю? По мнению В.В. Седова, этими славянами были жители восточного ареала пшеворской культуры Мазовии, Подлясья и Западной Волыни⁸⁵.

Пшеворская культура, как показали в своих работах В.В. Седов и И.П. Русанова, представляла собой сложное поликомпонентное

образование, в составе которого были кельты, германцы и славяне; последние преобладали в восточной части пшеворского ареала⁸⁶. По словам Русановой, «постоянный славянский компонент в пшеворской культуре был довольно многочисленным и мало смешивался с другими этническими группами»⁸⁷.

Применительно к нашему сюжету эти выводы могут быть и конкретизированы. Наиболее точным соответствием иордановым сплам является так называемая зубрецкая группа пшеворских памятников, существовавшая в позднелатенское и раннеримское время на Волини и в Верхнем Поднестровье и сложившаяся при некотором участии позднезарубинецкого населения. То, что основу населения зубрецкой группы составляли славяне, убедительно показал ее ведущий исследователь Д.Н. Козак⁸⁸.

По археологическим материалам отчетливо видно, что при вторжении «вельбарцев»-готов на Волинь в конце II – начале III в. славяне постепенно перемещаются к югу, в Поднестровье, где количество их поселений растет, в то время как на севере, на Волини, они исчезают, и распространяется вельбарская культура готов⁸⁹. Эта археологически фиксируемая картина хорошо согласуется со сведениями Иордана о победе готов над спалами при покорении Ойума. Именно с носителями зубрецких традиций встретились готы по приходе в Скифию, именно с ними вступили в борьбу и именно их вытеснили с определенной территории. К сожалению, эти материалы полностью проигнорированы авторами рассмотренных новейших работ, посвященных локализации Ойума.

То, что именно Волинь была «желанной землей», куда в своей историко-эпической памяти стремились готы, хорошо показывают археологические материалы. М.Б. Шукин констатирует, что «наибольшая концентрация вельбарских памятников наблюдается на Волини»⁹⁰. Волинь стала важным готским центром и своеобразной базой для дальнейшей экспансии «вельбарцев»-готов в земли Скифии, одним из районов кристаллизации черняховской культуры.

Что же касается славян-«спалов», носителей зубрецких культурных традиций, отошедших под готским натиском на юг, в район Верхнего Днестра, то они на следующем этапе представлены памятниками типа Черепин-Теремцы, включаемыми обычно в качестве особого локального варианта в состав черняховской культуры (хотя, например, Шукин высказался за их исключение оттуда в силу выраженного своеобразия⁹¹), которые стали одной из основ для становления славянской пражской культуры, что рельефно показано их исследователем В.Д. Бараном⁹².

В преданиях многих народов говорится о том, что некогда землю населяли мифические великаны, на смену которым пришли обыч-

ные люди. Нередко так тот или иной народ осмысливает историю своей борьбы с какими-то древними сильными врагами. Славяне, к примеру, так осмыслили свою борьбу с аvaraми. В «Повести временных лет» изложено славянское эпическое сказание о войне между аvaraми и дулебами, в котором первые наделены чертами мифических великанов, предшествовавших заселению земли обычными людьми⁹³. Аналогично и «в старопольской традиции авары-обры наделались обликом допотопных – доисторических – исполинов»⁹⁴. Видимо, в готском эпосе в качестве древних великанов, противников готов, рассматривались славяне.

То, что дело обстояло именно так, подтверждают следующие факты, собранные А.Н. Веселовским. Еще Я. Гримм высказал гипотезу, согласно которой др.-в.-нем. *antisc, antrisc, entrisc* «autiquus, priscus», а.-сакс. *entisc* «giganteus» от *ent* «gigas» и прочие родственные лексемы производны от имени антов⁹⁵. Как пишет Веселовский, образ антов был в немецкой фольклорной традиции обобщен «в народных поверьях, как то случилось с другими отжившими, когда-то славными народами: гуннами у немцев, обрами, чудью, спалами у славян, эллинами у современных греков. Анты явились исполинами, им стали приписывать загадочные древние сооружения (*Entiskenweg, entisca geweorc*), как у нас курганы нередко носят этнические прозвища... в преданиях является какое-то «антское» пещерное племя»⁹⁶.

Ученый приводит несколько соответствующих немецких преданий об антах, в котором они предстают в качестве древнего исчезнувшего народа, подобно славянским обрам или чуди. Вот для примера одно из них: «Предание записано в Тироле. Если пойти из Преграттена (*Pregratten*. слав. Преграда) в Виндталь (*Windthal* = долина вендов?), то на разделе вод и племен, баварского и славянского, встретишь так называемую антскую берлогу (*das antische Loch*), о которой рассказывают следующее: в старые годы жили в Виндтале, в этой берлоге, какие-то люди, редко или никогда не показывавшиеся в долине. Только однажды пришла оттуда девушка-красавица и нанялась в услужение в Преттау. Она была молчалива и никому не говорила о своем роде-племени; говорила только, что в Преттау ей быть не долго, потому что, когда появится там вооруженный всадник на белом коне, ей снова надо будет вернуться в свою берлогу. Так рассказывая, она плакала; и, действительно, как скоро появился всадник, девушка исчезла. Из берлоги и теперь еще слышится детский плач, а на камнях кругом видели нередко пеленки, сушившиеся на солнце. В песке у берлоги находили крошечные светложелтые камешки, величиной с горошину и менее; им приписывают

целебные свойства: вытягивать из глаз осколки дерева и сор, туда попавший. Говорят, что это окаменевшие слезы антских людей»⁹⁷.

Таким образом, в германской традиции славяне заняли место древнего народа великанов, сошедшего с исторической сцены. Интересно при этом, что в качестве его обозначения в обиход вошел один из древних славянских этнонимов, относящийся к рассматриваемой нами эпохе и вышедший с VII в. из оборота. Иордан сообщает о большой войне антов и готов в годы гуннского нашествия (Iord., Get. 246-247)⁹⁸.

А.Н. Анфертьев по этому поводу отметил: «Можно думать, что этноним (анты. – М.Ж.) попал на запад в составе готских фольклорно-исторических преданий об остроготско-антском конфликте. Может быть, уже в ранний период его формирования, частично отразившийся у Иордана, анты изображались великанами, победа над которыми была особенно почетна?»⁹⁹.

В рассказе «Повести о переселении готов» о борьбе готов со спалами отразилась готская традиция о древней войне или войнах со славянами на Волыни, в рамках которой противники готов уже начали осмысливаться как древний народ великанов.

Любопытно, что впоследствии, когда в VI в. уже «пражские» славяне осваивали покинутую германцами Волынь, судя по всему, имел место зеркальный процесс. Летописцы отмечают, что древнейшим известным им славянским «племенем» на Волыни были дулебы: «Дулеби живяху по Бугу, где ныне вельняне»¹⁰⁰. Это название имеет германскую этимологию. Согласно О.Н. Трубачеву, «в слав. *dudlebi скрывается герм. *daud-laiba- с этимологическим значением «наследство умершего, выморочное наследство», что хорошо вяжется с раннеисторическим процессом освоения славянами земель, покинутых одно время германскими племенами»¹⁰¹. Такой этноним указывает, что славяне - носители пражской культуры вполне могли воспринимать предшествующих им насельников Волыни, германцев-готов, как древний вымерший народ.

Здесь также нельзя не коснуться еще одного вопроса, имеющего богатую историографию, - о соотношении *спалов* (Spali) Иордана и *споров* (Σποροι) Прокопия Кесарийского, которых этот автор называл предками антов и славян: «Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали «спорами», как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища»¹⁰² (IV. 29). Этимология византийского автора, очевидно, имеет чисто кабинетный и наивный характер (ср. выше аналогичную народную этимологию происхождения этника «гепиды» у Иордана как «ленивые»). Вариантов расшифровки этого из-

вестия Прокопия было предложено немало¹⁰³, и эта тема нуждается в обстоятельном рассмотрении, которое в рамках данной статьи невозможно. Поэтому скажу только о том, что не вижу никакой связи между спалами Иордана и спорами Прокопия хотя бы потому, что в свете сказанного выше следует, что спалы – это вообще не этноним, а лишь готское осмысление славянской лексемы в качестве маркирования в своей исторической памяти славян как древнего легендарного народа – своего противника.

Несмотря на очевидные вкрапления фольклорных мотивов, которые, кстати, интересны сами по себе и являются ценным историческим источником, в основе «Повести о переселении готов» лежит память о реальных событиях ранней истории этого народа, которые вместе с тем являются и составной частью истории ранних славян.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. М., 2013 (Византийская библиотека. Источники). С. 29-31, 46-51.
2. *Там же*. С. 31-40.
3. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I. С. 100.
4. *Там же*.
5. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. С. 24. Прим. 60.
6. Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 115.
7. *Там же*. С. 117.
8. *Щукин М.Б., Мачинский Д. ., Воронятов С.В.* Готский путь, плодороднейшие земли Ойум и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный М. Б. Щукину. СПб., 2011. С. 248.
9. *Там же*. С. 251. Прим. 6.
10. *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Вып. I. Краснодар, 2013. С. 122-127.
11. *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994. С. 227-228; *Его же*. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 147.
12. *Bierbrauer V.* Archäologie und Geschichte der Goten vom 1-7. Jahr. // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 28. Berlin; New York. 1994. S. 105; *Бирбрауер Ф.* Готи в I-VII ст. Территория расселения та просування за археологічними джерелами // Археологія. 1995. № 2. С. 38-39.
13. *Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 89.
14. *Там же*. С. 108.
15. *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум». С. 123-124.

16. *Щукин М.Б.* Готы и Готоны, Готискандза и Ойум // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 1986. С. 187.
17. *Его же.* На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий VI в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994. С. 249.
18. *Топоров В.Н.* Древние германцы в Причерноморье. Результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. С. 254.
19. *Историографию см.: Седов В. В.* Славяне. С. 143.
20. *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI в. Опыт исторической этнографии. СПб., 2003. С. 70.
21. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. С. 188. Комментар. 68.
22. *Там же.* С. 189.
23. *Lewicki T.* Zagadnienie Gotyv na Krymie // Przegląd Zachodni. T. VII. No 5/8. Poznań, 1951. S. 82.
24. *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 71-72.
25. *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. 2-е изд. СПб., 2001 (Византийская библиотека. Исследования). С. 94.
26. *Там же.* С. 94-95.
27. *Там же.* С. 95.
28. *Щукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В.* Готский путь, плодороднейшие земли Oium... См. также: *Воронятов С. В.* О территории сражения готов со спалами в «Getica» Иордана // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Ростов-на-Дону, 2014.
29. *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум».
30. *Мачинский Д.А.* Рыцарь познания // Европейская Сарматия. С. 13-14.
31. *Казанский М.М., Шаров О.В.* Предисловие // Germania-Sarmatia II: Сборник, посвященный памяти М.Б. Щукина. Калининград, 2010. С. 12. Прим. 2; *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум». С. 123-124.
32. *Жих М.И.* Проблема славянского этногенеза в работах В. В. Седова // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. Кишинев, 2013. № 1 (30). С. 121.
33. *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001. С. 91.
34. *Щукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В.* Готский путь, плодороднейшие земли Oium... С. 263-270.
35. *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум». С. 127-132.
36. *Там же.* С. 132-138.
37. *Там же.* С. 142.
38. *Там же.*
39. *Там же.* С. 142-144.
40. *Wołgiewicz R.* Kultura wielbarska – problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Slupsk, 1981.
41. *Шаров О.В.* В поисках страны «Ойум». С. 144.
42. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. С. 65. См. также: Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 105.

43. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. С. 79-80.
44. *Тацит Публий Корнелий*. О происхождении германцев и местоположении Германии / Перевод А.С. Бобовича, ред. М.Е. Сергеевко // *Тацит. Анналы. Малые произведения*. М., 2003. С. 481.
45. *Седов В.В.* Славяне в древности. С. 180-181; *Его же*. Славяне. С. 122-123.
46. *Там же*.
47. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. С. 68.
48. *Меркулов В.И.* У истоков Великого переселения народов. URL: <http://pereformat.ru/2011/09/u-istokov-velikogo-pereseleniya-narodov/> (дата обращения: 13.07.2014).
49. *Там же*.
50. *Там же*.
51. *Щукин М. Б.* Готский путь. С. 55. Рис. 12.
52. *Там же*. С. 45-48.
53. *Там же*. С. 38.
54. *Там же*.
55. *Тацит Публий Корнелий*. Анналы / Перевод А. С. Бобовича, ред. Я.М. Боровского // *Тацит. Анналы. Малые произведения*. М., 2003. С. 90.
56. Историографию см.: *Щукин М. Б.* Готский путь. С. 25-28.
57. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. С. 184. Комментар. 52.
58. *Там же*. С. 65.
59. *Там же*. С. 68, 77.
60. *Там же*. С. 65.
61. Ср.: *Вольфрам Х.* Готы. С. 62-63.
62. *Вольфрам Х.* Готы. С. 36-37.
63. *Щукин М.Б.* Готский путь. С. 33. Рис. 4.
64. *Седов В.В.* Славяне в древности. С. 223-224; *Его же*. Славяне. С. 144-145.
65. *Его же*. Славяне в древности. С. 223-225; *Его же*. Славяне. С. 144-145; *Щукин М.Б.* На рубеже эр. С. 244-249; *Его же*. Готский путь. С. 28-48.
66. *Щукин М.Б.* Готский путь. С. 25-57.
67. *Седов В.В.* Славяне. С. 146-147; *Русанова И.П.* Вельбарская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М., 1993. С. 182-183.
68. *Щукин М.Б.* Готский путь. С. 103-108; *Русанова И. П.* Вельбарская культура. С. 189-190.
69. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. С. 253. Комментар. 312.
70. *Там же*. С. 66. См. также: Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 105.
71. *Седов В.В.* Славяне. С. 147.
72. *Там же*. С. 145. Рис. 29.
73. См., напр.: *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. С. 188-189. Комментар. 68.
74. *Седов В.В.* Славяне. С. 147.
75. *Там же*.

76. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011. С. 189.
77. Мои критические соображения о ней см.: *Жих М.И.* Проблема славянского этногенеза в работах В.В. Седова. С. 111-114, 118-119.
78. *Щукин М.Б.* Семь миров древней Европы и проблемы этногенеза славян // Славяне: этногенез и этническая история. Л., 1989; *Его же.* Рождение славян // Стратум. Структуры и катастрофы. СПб., 1997; *Мачинский Д.А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII - середине XI в. // Труды Государственного Эрмитажа. 2009. Т. 49. С. 472-483; *Лебедев Г.С.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне: этногенез и этническая история; *Kazanski M.* Les Slaves. Les origines (I-er - VIIe siècle après J.-C.). Paris, 1999.
79. Ее критику см.: *Седов В.В.* Славяне в древности. С. 50; 218-220; *Его же.* Рец. на: *Kazanski M.* Les Slaves. Les origines // Российская археология. 2000. № 3; *Его же.* Славяне в римское время. Доклад для XIII Международного съезда славистов (Словения, 2003). М., 2003. С. 20-22; *Русанова И.П.* Заключение // Славяне и их соседи. С. 195-197; *Егорейченко А.А.* Культуры штрихованной керамики. Минск, 2006. С. 115-116.
80. *Щукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В.* Готский путь, плодороднейшие земли Oium... С. 256.
81. Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 118-119. Прим. 37.
82. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 8. М., 1981. С. 241.
83. *Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Римские географические источники. С. 55.
84. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. С. 189-190. Комментар. 70; Этимологический словарь славянских языков. Вып. 8. С. 240-242; Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 118-119. Комментар. 37; *Седов В.В.* Славяне. С. 148.
85. *Там же.*
86. *Седов В.В.* Славяне в древности. С. 180-198; *Его же.* Славяне. С. 115-122; *Русанова И.П.* Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа. М., 1976. С. 201-215; *Ее же.* Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1990.
87. *Русанова И.П.* Этнический состав носителей пшеворской культуры. С. 135.
88. *Козак Д.Н.* Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї та Західному Побужжі. Київ, 1984; *Его же.* Етнокультурна історія Волині. Київ, 1991; *Его же.* Венеди. Київ, 2008.
89. *Его же.* Венеди. С. 211; *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001. С. 125; *Щукин М.Б.* Готский путь. С. 107-108.
90. *Щукин М.Б.* Готский путь. С. 107.
91. *Там же.* С. 109-112.

92. Баран В.Д. Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). Київ, 1981; *Его же*. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983; *Его же*. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с. Рашков). Киев, 1988; Баран В.Д., Гопкало О.В. Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. Київ, 2005.

93. ПСРЛ. Т. I. Стб. 11-12; Т. II. Стб. 9.

94. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 178.

95. Веселовский А.Н. Заметки по литературе и народной словесности. I. СПб., 1883. С. 80.

96. Там же. С. 81.

97. Там же. С. 82.

98. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. С. 108.

99. Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 159. Комментар. 254.

100. ПСРЛ. Т. I. Стб. 12-13; Т. II. Стб. 9.

101. Трубочев О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 53.

102. Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 185.

103. Историографию см.: Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 227-228. Комментар. 94.

References

Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1-7. Jahr. [Archaeological data on Ghats of the I-VII centuries], Frühmittelalterliche Studien, Bd. 28, Berlin; New York, 1994 [in German].

Kazanski M. Les Slaves. Les origines (I-er - VIIe siècle après J.-C.) [Origin of Slavs (Sh-VII of centuries)], Paris, 1999 [in French].

Lewicki T. Zagadnienie Gotów na Krymie [Goths in the Crimea], Przegląd Zachodni, T. VII, Nr 5/8, Poznań, 1951 [in Polish].

Wotągiiewicz R. Kultura wielbarska – problemy interpretacji etnicznej [Problem of an ethnic origin of velbarsky culture], Problemy kultury wielbarskiej, Slupsk, 1981 [in Polish].

Baran V.D. Chernjähivska kul'tura (za materialami Verhn'ogo Dnistra ta Zahidnogo Bugu), Kiiv, 1981 [in Ukrainian].

Baran V.D. Slozhenie slavjanskoj rannesrednevekovoj kul'tury i problema rasselenija slavjan [Addition of Slavic early medieval culture and a problem of moving of Slavs], Slavjane na Dnestre i Dunae, Kiev, 1983 [in Russian].

Baran V.D. Prazhskaja kul'tura Podnestrov'ja (po materialam poselenija u s. Rashkov), Kiev, 1988 [in Russian].

Baran V.D., Gopkalo O.V. Chernjähiv'ski poselennja bassejnu Gniloi Lipi, Kiiv, 2005 [in Ukrainian].

Birbrauer V. Goti v I-VII st. Teritorija rozselennja ta prosuvannja za arheologichnimi dzherelami, Arheologija, 1995, Nr 2 [in Ukrainian].

Budanova V.P. Goty v jepohu Velikogo pereselenija narodov [Gota during an era of Great resettlement of the people], 2-e izd. SPb., 2001 (Vizantijskaja biblioteka. Issledovanija) [in Russian].

Veselovskij A.N. Zametki po literature i narodnoj slovesnosti [Notes on literature and national literature], I. SPb., 1883 [in Russian].

Vol'fram H. Goty. Ot istokov do serediny VI v. Opyt istoricheskoy jetnografii [Gotha. From sources to the middle of the VI century. Experience of historical ethnography], SPb., 2003 [in Russian].

Voronjatov S.V. O territorii srazhenija gotov so spalami v «Getica» lordana [About the territory of battle it is ready from a spalama in «Getica» of Jordan], Vojna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire, Rostov-na-Donu, 2014 [in Russian].

Egorejchenko A.A. Kul'tury shtrihovannoj keramiki [Cultures of the shaded ceramics], Minsk, 2006 [in Russian].

Zihh M.I. Problema slavjanskogo jetnogeneza v rabotah V.V. Sedova [Problema of Slavic ethnogenesis in V. V. Sedov's works], Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskij zhurnal, red. S.G. Sulyak, 2013, Nr 1 (30) [in Russian].

Jordan. O proishozhdenii i dejanijah getov [About an origin and acts of get], Vstupitel'naja stat'ja, perevod i komentarii E.Ch. Skrzhinskoj, 2-e izd, M., 2013 (Vizantijskaja biblioteka. Istochniki) [in Russian].

Kazanskij M.M., Sharov O.V. Predislovie [Preface], Germania-Sarmatia II: Sbornik, posvjashhjonnyj pamjati M.B. Shhukina, Kaliningrad, 2010 [in Russian].

Kozak D.N. Pshevors'ka kul'tura u Verhn'omu Podnistrov'i ta Zahidnomu Pobuzhzhzi, Kiiv, 1984 [in Ukrainian].

Kozak D.N. Etnokul'turna istorija Volini, Kiiv, 1991 [in Ukrainian].

Kozak D.N. Venedi [Venedi], Kiiv, 2008 [in Ukrainian].

Lebedev G.S. Arheologo-lingvisticheskaja gipoteza slavjanskogo jetnogeneza, Slavjane: jetnogenez i jetnicheskaja istorija [in Russian].

Magomedov B.V. Chernjahovskaja kul'tura. Problema jetnosa [Chernyahovskaya culture. Ethnos problem, Lublin, 2001 [in Russian].

Machinskij D.A. Rycar' poznaniya [Rytsar of knowledge], Evropejskaja Sarmatija [in Russian].

Machinskij D.A. Nekotorye predposylki, dvizhushhie sily i istoricheskij kontekst slozhenija russkogo gosudarstva v seredine VIII – seredine XI v. [Some prerequisites, driving forces and a historical context of addition of the Russian state in the middle of VIII – the middle of the XI century], Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha, 2009, t. 49 [in Russian].

Mel'nikova E.A. Skandinavskie runicheskie nadpisi. Novye nahodki i interpretacii [Scandinavian runic inscriptions. New finds and interpretations], M., 2001 [in Russian].

Merkulov V.I. U istokov Velikogo pereselenija narodov [At sources of Great resettlement of the people]. URL: <http://pereformat.ru/2011/09/u-istokov-velikogo-pereseleniya-narodov> (accessed: 13.05.2014) [in Russian].

Petruhin V. Ja., Raevskij D.S. Oчерки истории народов России в древности и раннем средневековье [Sketches of history of the people of Russia in the ancient time and early Middle Ages], M., 2004 [in Russian].

Podosinov A.V., Skrzhinskaja M.V. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший [Roman geographical sources: Pompony Mela and Pliny Sr.], M., 2011 [in Russian].

Rusanova I.P. Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа [Slavic antiquities of the VI-VII centuries. Culture of the Prague type], M., 1976 [in Russian].

Rusanova I.P. Jetnicheskij sostav nositelej pshevorskoj kul'tury, Rannelslavjanskij mir: Materialy i issledovanija, vyp. 1, M., 1990 [in Russian].

Rusanova I.P. Vel'barskaja kul'tura [Velbarskaya culture], Slavjane i ih sosedi v konce I tys. do n.je. – pervoj polovine I tys. n.je., M., 1993 [in Russian].

Rusanova I.P. Zaključenje [Conclusion], Slavjane i ih sosedi [in Russian].

Svod drevnejših piš'mennyh izvestij o slavjanah [Arch of the most ancient written news of Slavs], M., 1994. T. I [in Russian].

Sedov V.V. Slavjane v drevnosti [Slavs in the ancient time], M., 1994 [in Russian].

Sedov V.V. Slavjane. Istoriko-arheologičeskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], M., 2002 [in Russian].

Sedov V.V. Rec. na: Kazanski M. Les Slaves. Les origines [Rets. on: Kazanski M. Les Slaves. Les origines], Rossijskaja arheologija, 2000, Nr 3 [in Russian].

Sedov V.V. Slavjane v rimskoe vremja. Doklad dlja XIII Mezhdunarodnogo s'ezda slavistov [Slavs in the Roman time. The report for the XIII International congress of Slavists] (Slovenija, 2003), M., 2003 [in Russian].

Tacit Publij Kornelij. Annaly [Annals], perevod A.S. Bobovicha, red. Ja.M. Borovskogo, Tacit. Annaly. Malye proizvedenija, M., 2003 [in Russian].

Tacit Publij Kornelij. O proishozhdenii germancev i mestopolozhenii Germanii [About an origin of Germans and location Germany], perevod A.S. Bobovicha, red. M. E. Sergeevnko, Tacit. Annaly. Malye proizvedenija, M., 2003 [in Russian].

Toporov V.N. Drevnie germancy v Prichernomor'e. Rezul'taty i perspektivy [Ancient Germans in Black Sea Coast. Results and prospects], Balto-slavjanskije issledovanija, 1982, M., 1983 [in Russian].

Trubachev O.N. Rannie slavjanskije jetnonimy – svideteli migracii slavjan [Early Slavic ethnonyms – witnesses of migration of Slavs], Voprosy jazykoznanija, 1974, Nr 6 [in Russian].

Trubachev O.N. Indoarica v Severnom Prichernomor'e [Indoarica in Northern Black Sea Coast], M., 1999 [in Russian].

Sharov O.V. V poiskah strany «Ojum»: jepos ili real'nost'? [In search of the country «Oyum»: epos or reality?], Drevnosti Zapadnogo Kavkaza, vyp. I, Krasnodar, 2013 [in Russian].

Shhukin M.B. Goty i Gotony, Gotiskandza i Ojum [Gota and Gotona, Gotiskandz's and Oyum], X Vsesojuznaja konferencija po izucheniju istorii, jekonomiki, literatury i jazyka Skandinavskih stran i Finljandii. Tezisy dokladov, M., 1986 [in Russian].

Shhukin M.B. Sem' mirov drevnej Evropy i problemy jetnogeneza slavjan [Seven worlds of ancient Europe and problem of ethnogenesis of Slavs, Slavjane: jetnogenez i jetnicheskaja istorija, L., 1989 [in Russian].

Shhukin M.B. Na rubezhe jer: Opyt istoriko-arheologicheskoy rekonstrukcii politicheskikh sobytij VI v. do n.je. – I v. n.je. v Vostochnoj i Central'noj Evrope [At a boundary Ayr: Experience of historical and archaeological reconstruction of political events of the VI century BC – I century AD in Eastern and the Central Europe], SPb., 1994 [in Russian].

Shhukin M.B. Rozhdenie slavjan, Stratum. Struktury i katastrofy, SPb., 1997 [in Russian].

Shhukin M.B. Gotskij put' (goty, Rim i chernjahovskaja kul'tura) [Gotsky way (Gotha, Rome and Chernyakhovsk culture)], SPb., 2005 [in Russian].

Shhukin M.B., Machinskij D. A., Voronjatov S.V. Gotskij put', plodorodnejšie zemli Oium i vel'barksko-chernjahovskoe poselenie Lepesovka [Gotsky way, the most fertile lands Oium and velbarksko-Chernyakhovsk settlement of Lepesovka], Evropejskaja Sarmatija. Sbornik, posvjashhennyj M.B. Shhukinu, SPb., 2011 [in Russian].

Jetimologicheskij slovar' slavjanskih jazykov. Praslavjanskij leksicheskij fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund], pod red. O.N. Trubacheva, vyp. 8, M., 1981 [in Russian].

Жих Максим Иванович – аспирант кафедры музеологии исторического факультета Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Zhikh Maksim – graduate student of the Department of Museology, Institute of History, St. Petersburg State University.

e-mail: max-mors@mail.ru